

Дорогая редакция!
Пожалуйста, пригласите на воскресную встречу артиста Михаила Жарова...
(Е. Кушкина. Москва).

Обдумывая предстоящий разговор, я представлял своего собеседника таким же, каким видел его на экране: веселым, шумным, комичным... И разумеется, ошибся. Разумеется — потому что позабыл старую театральную заповедь: актер никогда не играет самого себя.

Передо мной оказался очень серьезный, вдумчивый, немного философичный человек. И лишь манера говорить, мимика и жестикация выдавали в нем актера.

Чтобы передать как-то не только услышанное, но и увиденное, в интервью включены ремарки. Точь-в-точь как в тексте той роли, которую Михаил Иванович готовил накануне разговора.

(Большая комната. Стеллажи с книгами. На стенах старинный фарфор. Большой рабочий стол, заваленный книгами, бумагами...).

— Михаил Иванович, вся ваша актерская деятельность — аргумент против спора: что перспективнее — кино или театр?

— Пожалуй, это так. Я давно уже ощущаю, что синтез театра и кино обогатил меня. В театре я научился находить сквозное действие роли, вести ее через все спады и нарастания. Кино требует умения раскрывать чувства, их глубину через глаза и едва заметные движения лица, рождение мысли в нем происходит и протекает острее...

А вообще сам-то спор один из тех, в которых не рождается истина.

— «Время славы». В чем его тяжесть?

— Тяжести не чувствую. А слава? Можно ли сказать, что хлеб знаменит? Он нужен. То же и о художнике. Если он нужен людям — он знаменит.

В чем секрет популярности актера? (Берет с полки книгу). Вот книга. Человек ее прочитал. Он благодарен автору за то, что он почерпнул для се-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

МИХАИЛ ЖАРОВ

бя. Но он прочел эту книгу по-своему. У него родились в связи с прочитанным свои мысли, он сделал на ее полях свои пометки. И вот эта книга, именно эта, в зеленом переплете, такого-то формата, с таковыми-то пометками, стала ему дорога... Наверное, то же происходит и с актером.

— Часто ли путают вас с вашими героями?

— Часто. Однажды на нашей даче случился пожар. Приехали пожарные. Потушили. Начальник команды вышел из подвала и, не скрывая улыбки, разочарованно сказал: «Что же это, Михаил Иванович, подвал-то у вас пустой? А мы-то думали, у вас там бочки с вином...»

Обидно, что тебя иногда путают с тем или другим отрицательным типом, и все же творческое удовлетворение от такой путаницы получаешь огромное. Встречая на улице незнакомых людей, видишь, как теплеют их глаза, разглажи-

ваются морщинки... Для меня это высшая награда!

— В старых анкетах часто встречается немного наивный вопрос: «Ваш любимый цвет?» Наверное, это не спраста...

— Может быть... У меня ведь тоже есть свой любимый цвет — малиновый. Он всегда ассоциируется с детством...

Как-то я просматривал военные мундиры для съемки «Петра I» и случайно попал на малиновый мундир, и он вызвал во мне ту же ассоциацию. Я мысленно перенесся в Большой Спасский переулок и увидел дом, в котором мы жили, московский дворик, Каретный ряд...

— Что вы считаете своим главным университетом?

— Я думаю, что вопрос этот несколько риторичен. Во всяком случае, в понятие «мой университет» я вкладываю его изначальный, горьковский смысл — жизнь!

— Вашим первым серьезным выступлением в кино считается роль Жигана в фильме «Путевка в жизнь». Ваша последняя роль — «Деревенский детектив» — Анискин... Есть ли между двумя этими полюсами какая-нибудь связь?

— Наверное; есть. Во всяком случае подобная метаморфоза лишний раз свидетельствует о воспитательной роли кино. Начал с бандита, а кончил следователем...

— Ваше амплуа — комедийные роли. Выступали ли вы в трагедийном жанре?

— Я никогда не делю роли на комедийные и трагедийные. По-моему, это все равно, что живописать черно-белыми красками.

Комедийное порождает трагедийным. Вспомните того же чеховского «Медведя». Две серьезные жизненные ситуа-

ции. Смерть любимого человека и необходимость получить деньги по долговой расписке. Конфликт, драматический конфликт, а заканчивается поцелуем, кончается комедией.

— Я задам вам вопрос, на который обычно отвечают так: «Как для матери дороги все ее дети, так и актеру близки все его роли». И все-таки. Ваша самая любимая роль?

— (Усмехаясь). Я бы предпочел остаться многодетным отцом...

— Журналисты хранят свои статьи и заметки... А как в таком случае поступают артисты?

— Вы хотите спросить о моем творческом архиве. Пожалуйста (широкий жест — на столе конверт внушительных размеров). Здесь вырезки. Но речь в них идет не обо мне. Каждый день я вырезаю из газет и журналов только то, что меня взволновало, поразило, тронуло. Ну, вот (перебирает листки) конец путешествия «Ра», пересадка сердца, некролог на смерть Марка Бернеса... Я собираю информацию. Я насыщаю ее. И когда мне на сцене нужно подобрать слово, интонацию, жест... Вот тут и приходит на помощь мой эмоциональный арсенал.

Актер не может хранить свои произведения, как это делают, например, художники или писатели. Где-то в памяти живут старые роли. Конечно, они поблекли и потускнели, как это бывает, скажем, со старинными кинолентами. Но... Впрочем, Меньшикова, наверное, я бы сейчас не сыграл...

— Михаил Иванович, начинается новый театральный сезон, на сцену выходит много молодежи...

(Встал и заходил по комнате).

— Нынешняя сценическая молодежь в большинстве своем талантлива, образованна, душой предана искусству.

Мне хотелось лишь бы напомнить ей еще раз о главной традиции прогрессивной русской сцены: жить общей со своим народом жизнью. Только тогда он сможет «глаголом жечь сердца людей».

Н. ЧЕРКАШИН.
Фото автора.

Михаил Жаров

17 СЕН 1969